

ВИЛЕНСКІЯ ГУБЕРНСКІЯ ВѢДОМОСТИ. № 21.

СУББОТА, МАІЯ 24-го ДНЯ 1852 ГОДА.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

С О Д Е Р Ж А Н І Е: Концертъ Г. Аполлиарія Контскаго.— О концертъ Г. Казиміра Лады.

КОНЦЕРТЪ Г. АПОЛЛИАРІЯ КОНТСКАГО.

Наконецъ и мы слышали Господина Контскаго! И довольно разъ его услышать, чтобы навсегда сохранить въ памяти! Г. Контскій прибылъ къ намъ, предупрежденный славою своего таланта, славою какую рѣдко который артистъ пріобрѣлъ въ столь раннихъ лѣтахъ въ Европѣ. Но тотъ сильно бы ошибался, кто сталъ бы думать, что очарованіе пріобрѣтенной уже славы облегчаетъ успѣхи артиста, т. е., что заранѣе склоняетъ общее мнѣніе въ его пользу. На дѣлѣ бываетъ совсѣмъ напротивъ. Въ природѣ человѣческой энтузіазмъ и духъ противорѣчія идутъ рядомъ. Нѣтъ пріятнѣе удовольствія, какъ узнать, и питать уваженіе къ превосходнѣйшему насъ. Душа человѣческая постигаетъ это инстинктомъ,— и потому стремится къ высокому. Но духъ противорѣчія борется со славою; онъ не поддается чужому мнѣнію пока не обсудитъ его самъ. Слава артиста привлекаетъ правда слушателей или зрителей, но виѣсть съ тѣмъ изощряетъ ихъ судъ,

и расширяетъ кругъ ихъ требованій. Горе артистамъ, коихъ слава стоитъ выше дѣйствительнаго достоинства! Можно пріобрѣсть ее въ одномъ какомъ либо мѣстѣ, при содѣйствіи извѣстныхъ обстоятельствъ; но тогда каждая новая публика будетъ для нея пробнымъ камнемъ. Каждое появленіе знаменитаго артиста предъ новою публикою, бываетъ для него какъ бы новымъ полемъ битвы, которую онъ долженъ вести съ духомъ противорѣчія; и только тогда, когда убѣдитъ его, когда могуществомъ таланта заставитъ признать свое превосходство, когда дѣло превзойдетъ ожиданіе, тогда только общій энтузіазмъ вѣнчаетъ его лаврами побѣды, и какъ бы призывая прежнюю его славу, гремящимъ эхомъ новыхъ рукоплесканій умножаетъ ея блескъ и очарованіе.

Первый и второй концерты Г. Контскаго были для него триумфомъ подобнаго рода. Онъ прибылъ къ намъ прямо изъ Москвы, гдѣ общій голось и газетъ и знатоковъ, торжественно подтверждая прежнее объ немъ мнѣніе, назвалъ его *вторымъ Паганини, первымъ скрипачемъ своего времени*. Всѣ мы шли въ концерты его

съ тою мыслию, чтобы повѣрить приговоръ этой славы, — и чувство, которое испытали мы, и рукоплесканія, которыя онъ вызвалъ, были совершеннѣйшимъ ея признаніемъ.

Вмѣсто подробнаго разбора сихъ концертовъ, сообщаемъ здѣсь краткій очеркъ артистическаго поприща концертиста, извлеченный изъ особой о немъ брошюры, изданной въ С. Петербургѣ Г. Булгаринымъ.

Аполинарій Контскій принадлежитъ къ тому малому числу счастливецевъ, которыхъ способности природа, такъ сказать, выливаетъ въ особую самостоятельную форму, называемую нами гениальностью.

Фамилія Контскихъ принадлежитъ къ самымъ древнимъ дворянскимъ фамиліямъ въ Польшѣ. Одинъ изъ предковъ этой фамиліи занималъ въ Польшѣ важнѣйшее званіе Епископа Краковскаго, и основалъ въ Краковѣ знаменитый Маріинскій Соборъ, котораго архитекторомъ былъ тотъ самый художникъ, который построилъ церковь Св. Стефана въ Вѣнѣ. Мартинъ Контскій былъ главнымъ начальникомъ Польской Артиллеріи въ войскѣ Іоанна Собіекаго. Послѣ освобожденія Вѣны отъ Турецкой осады, въ 1683 году, Императоръ Леопольдъ наградилъ Генерала Мартина Контскаго званіемъ Маркиза Священной Имперіи (Marquis du Sainte-Empire), а Вѣна поднесла Контскому почетную саблю. Обстоятельства низвели фамилію Контскихъ на скромную степень, и слава предковъ ея была почти забыта; но судьбѣ угодно было озарить эту фамилію славою другаго рода.

Г. Аполинарій Контскій, родился въ Познани въ 1826 году. Все его семейство, состоящее изъ четырехъ братьевъ и сестры, отличалось съ дѣтства особенными музыкальными дарованіями. Для образованія и развитія ихъ, отецъ ихъ переселился въ Вѣну, гдѣ находится знаменитая музыкальная Академія, и по совѣту самихъ профессоровъ, удивлявшихся необыкновеннымъ талантамъ юныхъ учениковъ, вскорѣ

предпринялъ оттуда съ своими дѣтьми артистическое путешествіе по Европѣ. Всѣ тогдашнія газеты и журналы, превозносили похвалами маленькихъ гениальныхъ музыкантовъ-артистовъ, но болѣе всѣхъ удивлялъ самый младшій, Аполинарій, который имѣя всего четыре года отъ роду, разыгрывалъ уже классическія произведенія на скрипкѣ такъ хорошо, что во время пребыванія въ С. Петербургѣ, имѣя счастье играть при Высочайшемъ Дворѣ, исполнилъ концертъ Роде.

На седьмомъ году отъ рожденія, Аполинарій Контскій уже прославленъ былъ во всей Германіи, игралъ почти при всѣхъ Европейскихъ Дворахъ, и получилъ въ подарокъ отъ Австрійской Императрицы драгоценную скрипку Страдиварія. Въ 1837 году прибывъ съ отцемъ въ Парижъ, такъ вскорѣ прославился въ этой музыкальной столицѣ, что его въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ со знаменитѣйшими артистами пригласили въ Лондонъ во время коронаванія Королевы Викторіи, передъ которою игралъ онъ три концерта, и сдѣлался любимцемъ Англійской аристократіи. Не менѣе блистательный успѣхъ ожидалъ его по возвращеніи въ Парижъ, такъ что наконецъ самъ Паганини, находившійся тогда въ этомъ городѣ, захотѣлъ его видѣть и послушать.

Всѣмъ извѣстенъ, какъ рѣдкій талантъ, такъ и причудливый характеръ этого человѣка. Дикій, угрюмый, чуждающійся людей а особенно артистовъ, онъ никогда самъ не обучалъ никого, никому не сообщалъ тайны механизма своей игры, и даже во время концертовъ никому не позволялъ стоять близко себя. Однако же, когда въ первый разъ услышалъ игру четырнадцатилѣтняго Контскаго, обнялъ его съ умиленіемъ, какъ сына, расхвалилъ, и предсказывая, что онъ превзойдетъ въ свое время знаменитѣйшихъ артистовъ, самъ, по собственному своему увлеченію, общалъ ему давать уроки. А какъ вскорѣ полюбилъ ученика, лучше всего свидѣтельствуется то обстоятельство,

что не только одному ему открылъ всѣ тайны своего искусства, но какъ бы преемнику своей славы, при смерти отказалъ ему свою скрипку и всѣ свои рукописи.

Пребываніе Г. Контскаго въ Парижѣ продолжалось до 1848 года, откуда по временамъ предпринималъ онъ поѣздки только въ главнѣйшіе города Франціи, въ которыхъ при музыкальной славѣ артиста отличился не менѣе достохвально щедростію къ бѣднымъ. Кромѣ концертовъ даваемыхъ повсюду въ ихъ пользу, во многихъ городахъ Г. Контскій былъ главнымъ основателемъ дѣтскихъ приютовъ, изъ которыхъ одинъ въ Нантѣ, донынѣ называется его именемъ. Города Ванъ, Аміенъ, Брестъ, Анжеръ, Сомеръ и другіе поднесли ему по сему поводу выбитыя въ честь его медали, при благодарственныхъ адресахъ. Наконецъ въ 1848 году, Г. Контскій предпринялъ артистическое путешествіе по Европѣ, и посѣтивъ Англію, Бельгію, Германію, Царство Польское, Харьковъ, Молдавію, Одессу и Валахію, въ 1851 г. прибылъ въ С.-Петербургъ, гдѣ принятый съ такимъ же какъ и вездѣ радушіемъ, посѣтилъ за тѣмъ значительнѣйшіе города Имперіи, и наконецъ въ Мартѣ мѣсяцѣ отправился въ Москву, гдѣ тоже, изъ семи данныхъ концертовъ, два посвятивъ для благотворительныхъ цѣлей. Въ Харьковѣ Г. Контскій заинтересовалъ публику до того, что въ теченіе двѣнадцати дней сборы отъ шести концертовъ превзошли 4,000 руб. сер. Тамошиниъ благотворительнымъ заведеніямъ онъ выручилъ до 900 руб. сереб. Въ Одессѣ поднесли ему драгоценный бокалъ, съ надписью: *„Аполлиарію Контскому приносятъ городъ Одесса, дня 25-го Октября 1851 года.“* Молдавскій же Господарь подарилъ Контскому драгоценную рѣдкость—бокалъ, поднесенный Императоромъ Леопольдомъ Іоанну Собіескому, послѣ освобожденія имъ Вѣны отъ осады Турокъ. Этотъ бокалъ принадлежалъ потомъ предку Аполлиарія Контскаго, Генералу Артиллеріи въ войскѣ Іоанна Собіескаго, Мар-

тину Контскому, и неизвѣстно какъ достался въ обладаніе Молдавскаго Господаря. Въ бокалѣ помѣщаются двѣ кварты жидкости; вышина бокала пять дюймовъ. Вокругъ бокала обложенъ медалями, представляющими событія Турецкой Войны 1683 года. На крышѣ медали, изображающая бюстъ Іоанна Собіескаго, съ надписью: *Ioannes III. D. G. Rex Poloniae.* Надъ медалью орелъ съ распростертыми крыльями. Внизу медаль съ груднымъ изображеніемъ Французскаго Короля Генриха IV и Маріи-Христіны.

Не владеясь въ подробный разборъ игры Г. Контскаго, мы статью нашу заключимъ словами Брюссельскаго журнала 11 Апрѣля 1850 года, приведенными въ брошюрѣ Г. Булгарина: „Столько уже говорили о Г. Контскомъ, что мы можемъ присовокупить только то, что все сказанное не соотвѣтствуетъ еще дѣйствительному его достоинству. Онъ столь же необыкновенный скрипачъ, какъ и его учитель Паганини. Подъ вліяніемъ удивленія, которое онъ прежде всего возбуждаетъ, его только можно уже слушать а не *судить.*“

О КОНЦЕРТѢ Г. КАЗИМИРА ЛАДЫ.

Десять лѣтъ тому назадъ здѣшняя публика съ удовольствіемъ услышала въ первый разъ восхитительную игру на скрипкѣ Казимира Лады. Ему въ то время было 17 лѣтъ; но мастерское исполненіе труднѣйшихъ сочиненій извѣстнѣйшихъ современныхъ композиторовъ, обличало уже неподдѣльный талантъ и обѣщало еще болѣе въ будущемъ отъ юнаго художника, отличавшагося въ тѣ уже лѣта похвальною недовѣрчивостію къ собственнымъ усиліямъ, искреннею любовію къ своему искусству, и наконецъ скромностію, этою неразрывною спутницею истиннаго таланта. Достоинства его игры были неоднократно и подробно описаны знатоками и любителями въ періодическихъ изда-

віяхъ, какъ нашего города, такъ и обихъ столицъ, и вездѣ отдавали совершенную справедливость искусству, глубокому чувству, вкусу и чистотѣ его исполненія. Между тѣмъ постигая важность и трудность предпріятого имъ пути, онъ не остановился на той высотѣ, на которую въ столь нѣжномъ возрастѣ возвели его способности и труженическія усилія. Въ то время какъ многіе другіе думали бы уже о томъ, какъ бы пользоваться плодами приобрѣтенной внимательности и расположенія публики, онъ съ рѣшимостію и самоотверженіемъ посвятилъ себя основательному изученію своего искусства, отправился за границу и въ продолженіи трехъ лѣтъ съ ревностію и постоянствомъ трудился надъ усовершенствованіемъ своего дарованія въ Парижской Консерваторіи, подъ руководствомъ славнаго Беріота. Мы слышали его два года тому назадъ, когда онъ посѣтилъ нашъ городъ по возвращеніи изъ Парижа. Наконецъ мы слышали его 10 сего Маія въ концертѣ, данномъ имъ въ Виленскомъ Театрѣ. Не будемъ распространяться описаніемъ подробностей достоинства его игры, которая столько разъ уже описана и которымъ всегда отдаваема была столь заслуженная и искренняя похвала. Входя въ залу концерта мы заранѣе увѣрены были, что встрѣтимъ необыкновенную чистоту и пріятность игры, трогательное пѣніе мастерскаго смычка, легкость и сво-

боду, съ какими побѣждаетъ онъ необыкновенныя трудности, всѣ эти арпеджія, стакато, пиччикати, флажелеты, которыми онъ такъ свободно и такъ граціозно украшаетъ путь своего торжества. И мы не ошиблись; талантъ Г. Лады созрѣлъ быстро и достигъ колоссальнаго размѣра. Игра его питаетъ умъ знатока, согрѣваетъ сердце и плѣняетъ душу каждаго слушателя. Она представляетъ имъ искусство во всей его силѣ, во всемъ его величіи и вмѣстѣ съ тѣмъ со всѣми его плѣнительными оттенками, которыя неотнимая ничего у его достоинства, составляютъ его украшенія. Въ продолженіи всего концерта, онъ сохранилъ неколебимое спокойствіе и совершенную свободу, какъ будто исполненіе труднѣйшихъ пассажей не стоило ему ни малѣйшихъ усилій. Отъ того въ его исполненіи, посреди самыхъ трудныхъ и для другаго неприступныхъ мѣстъ, каждая нота, не смотря на массу ихъ и быстроту, съ какою онъ были передаваемы изумленнымъ слушателямъ, сохранила свой настоящей и полный звукъ, какъ будто артистъ занять была только ею одною. Въ подтвержденіе нашего сужденія о талантѣ Г. Лады скажемъ и то, что нелицемѣрное удивленіе и восхищеніе публики приобрѣтено имъ въ то время, когда Вильно можно сказать, наполнено приобрѣвшими Европейскую извѣстность артистами.

(Вилен. Вѣст.)